

**ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К ГЕНЕЗИСУ И СЕМАНТИКЕ
ОДНОЙ ИЗ НОМИНАЦИЙ ALTER EGO В. Т. ШАЛАМОВА
В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ»**

Богданенков Александр Сергеевич,
РРО «Конференция Церквей Христиан Адвентистов Седьмого Дня
в Республике Беларусь» (г. Полоцк, Беларусь).

В данной статье выдвигается гипотеза относительно генезиса одной из вариаций авторского «я» в «Колымских рассказах», а также очерчивается герменевтический потенциал теологической интенциональности семантики и прагматики исследуемой номинации авторского двойника, носящего фамилию Крист.

Новая проза, как её понимал Варлам Шаламов, – это «документ, прямое участие автора в событиях жизни» [6, с. 157], именно поэтому путь в духовный мир «облечённого молчанием» первичного автора «Колымских рассказов» лежит через субъекты авторского плана. Будучи трансцендентным произведению, первичный автор «имманентен ему в своих сотворённых обликах – повествователе, образе автора, рассказчике, герое» [2, с. 236]. Таким образом, с одной стороны, жизнь автора становится биографическим ключом к его произведениям, с другой – его произведения становятся кодом, помогающим проникнуть в ячейку авторской души.

Обескровленные легионы «врагов народа», населяющие организованный беспорядок абсурдного мира Колымы, как отмечают Лейдерман и Липовецкий, являются разными ипостасями «одного человеческого типа» [1, с. 321]: обычного интеллигента, рядового гражданина – обыкновенного нормального человека – главного объекта шаламовского исследования. В их длинном строю мы встре-

чаем авторские эманации, палитру авторских alter ego, что раскрывают различные топосы сложного ландшафта личности первичного автора: безымянное «я», выступающее в роли повествователя, героя-рассказчика Андреева, персонажа Криста и т. д.

Крист является героем восьми рассказов колымского цикла: «Геологи», «Ожерелье княгини Гагаариной», «Лида», «Почерк», «Артист лопаты», «В больницу», «Облава», «Смытая фотография», а также одной главы антиромана «Вишера», не вошедшей в окончательный вариант произведения. Восемь рассказов, объединённые главным действующим лицом, образуют единую сюжетную линию, ведущую нас вслед за Кристом сначала в камеру Бутыцкого СИЗО, затем в лагерь Колымы, где вопреки всем силам преисподней совершается чудесное избавление, а потом, по мере убывания физических сил заключённого, сперва в витаминный ОЛП, далее в больницу и, наконец (ещё одно чудо!), на фельдшерские курсы. Так выстроены семь из восьми рассказов. Однако в самом первом рассказе, в «Геологах», мы встречаемся с хронологической перестановкой, которая выносит фабульную концовку в начало сюжета и, тем самым, превосхищает «божье чудо» [4, с. 327], о котором Крист ещё ничего не подозревает.

По мере всё более близкого знакомства с героем, читатель улавливает в нём всё большее количество автобиографических элементов, которыми пестрят шаламовские рассказы. Крист, будучи родом из «провинциального города» [4, с. 130], был мужчиной «высокого роста» [4, с. 545], имел прекрасный «каллиграфический, писарский почерк» [4, с. 435], хорошо знал литературу и был способен с лёгкостью отличить пушкинскую «Птичку» от одноимённого стихотворения Туманского [4, с. 434]. Осуждённый по 58-ой статье [4, с. 445] с грифом «КРПД» [4, с. 322] он звался «фраером» [4, с. 322] и «Иваном Ивановичем» [4, с. 235]. Его послужной лагерной список состоял из трёх сроков: первый он схлопотал будучи «девятнадцатилетним мальчишкой» [4, с. 320], затем после охоты «тридцать седьмого года» [4, с. 319] получил второй и попал на Колыму, а потом был «третий, десятилетний, срок» [4, с. 320]. Особую роль в истории Криста сыграл белый халат, который он сначала носил как санитар, а затем как «фельдшер приёмного покоя» [4, с. 234]. Именно этот халат сделал Криста причастником колымского пантеона, превратив его «в истинное, а не выдуманное колымское божество» [5, с. 145].

Рассказы, в которых фигурирует Крист, полны христианских мотивов и деталей, что, бесспорно, подталкивает исследователя к определённому прочтению имени авторского двойника. Так, к примеру, «буква «Т» в литере Криста была меткой, тавром, клеймом, приметой, по которой травили Криста много лет» [4, с. 323]. Человек, обладавший «самой опасной буквой» [4, с. 320], считался обречённым, поскольку «четырёхбуквенный литер... был приметой зверя, которого надо убить, которого приказано убить» [4, с. 323]. Буква «Т» визуально напоминает Т-образный крест, так называемый Тау-крест, *crux commissa*, являвшийся средством казни, которому в Римской империи подвергались политические преступники, революционеры, в числе коих, как свидетельствуют евангелия, оказался и Иисус Христос. Рассказ «Лида» повествует нам о спа-

сении Христа, о чуде искупления от литеры «Т», которое со стороны выглядит, как «божья воля» [4, с. 327].

Также кажется очевидной и христианская символика рассказа «Смытая фотография». Заключённый «Христ – раб, червь» [5, с. 142], однако, облачение в de jure белый, но de facto «грязный халат санитара» [5, с. 142], превращает его в обитателя высшего мира: «Христ надел халат и стал божеством» [5, с. 142]. Искушаемый своим новым положением, принимая поклонение другого эка, выказавшего готовность постирать божественное одеяние, Христ согрешает, за что тут же и оказывается наказан. В христианском богословии белые одежды символизируют «праведность» (Откровение 19:8), в то время как грязные, запятнанные одежды указывают на грех (см. Исая 1:16-18; Захария 3:1-7).

В имени собственном «Христ» легко угадывается мессианский титул «Христос». Заметим, что древнегреческие существительные, заимствованные русским языком, в процессе адаптации к новым условиям утратили свои характерные флексии. К примеру, ἄγγελος, ἀνέκδοτος, φωσφόρος стали произносятся как ангел, анекдот, фосфор, подобно и имена собственные: Ἀλέξανδρος, Παῦλος, Φίλιππος произносились как Александр, Павел, Филипп. Отсюда вполне закономерно ожидание, что древнегреческое Χρίστος превратится в Христ. Изменение согласной «х» на согласную «к» также выглядит вполне логичным, такое явление уже имело место в истории русского языка. М. Фасмер отмечает, что слово крестьянин восходит к слову христианин: «др.- русск. крьстьянинъ «христианин, человек» ...» [3, с. 374, 375]. Данная трансформация паронимически сближает слово Христ со словом крест, играющим весомую роль в судьбе героя. Отсюда следует, что фамилию Христ следует считать аббревиацией, усечением слова христианин, в котором заднеязычный, щелевой, твёрдый, глухой согласный звук [х] заменён на схожий по звучанию заднеязычный, смычный, взрывной, твёрдый, глухой согласный звук [к] (ср. Христина и Кристина).

Таким образом, сын потомственного православного священника, воспитанный в атмосфере противостояния двух христианских педагогических систем, отцовской и материнской, принявший в сознательном возрасте атеизм, восхищавшийся деятельностью радикальных эсеров и ставший троцкистом, дал возможность высказаться своему пробивающемуся из бессознательного христианскому голосу.

Литература

1. Лейдерман, Н. Л., Липовецкий, М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990 годы: в 2 т. – М.: Академия, 2006. – Т. 1. – 416 с.
2. Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко – М.: Академия, 2004 г. – Т. 2. – 368 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
4. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный клуб Книгоvek, 2013. – Т. 1. – 672 с.
5. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный клуб Книгоvek, 2013. – Т. 2. – 512 с.
6. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный клуб Книгоvek, 2013. – Т. 5. – 384 с.